

Анна Лепер

Дочки-матери

12+

Анна Дмитриевна Лепер

Дочки-матери

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67684530

SelfPub; 2022

Аннотация

Материнский инстинкт... Родается ли он вместе с ребенком, приходит ли со временем? А вдруг это просто вымысел, существующий только в романах! Проверить это можно исключительно на собственном опыте.

Анна Лепер

Дочки-матери

Первая мысль: она не может ее так предать! Такую родную и уже далекую.

Одно самое яркое и самое страшное воспоминание острым лезвием взрезало тонкую пленку повседневности, которой иногда затягивались тяжкие мысли. Ее глаза в последний миг перед расставанием. Лилин взгляд концентрированным лучом всех пережитых страданий, которые достались ее полупрозрачному тельцу, прожег в душе Ольги незаживающую рану.

В тот день у Ольги не было никаких осознаваемых предчувствий. Она успела так привыкнуть к монотонной рутине болезни дочери, что обманчиво плавное, но упрямое ухудшение воспринимала просто как очередной этап борьбы. Она твердо знала: если будет всегда, день и ночь держать свою Лилию за ручку, будто сделанную из костяного фарфора, то концентрированная материнская любовь перельется из ее могучего организма в детский и разрушит злые клетки рака. Пока девочка еще могла сидеть, они иногда играли в такую игру: она называлась «морской бой наоборот». Лилия рисовала на бумаге в клеточку свои «корабли» как можно кучнее, чтобы мама могла поскорее их уничтожить парой мощных и метких «залпов» – «Б1», «Б2», «Б3»... Лилия ра-

довалась каждому попаданию, потому что так они договорились разрушать ее болезнь. Кроме того, быстрая мамина победа позволяла не слишком утомиться за время боя.

По ночам, когда Лиля ненадолго забывалась и вынимала руку из маминой руки, Ольга старалась пристроиться рядом так, чтобы прикасаться к любому открытому участку матовой белой кожи дочки. Очень осторожно, чтобы не разбудить. В точке соприкосновения, по стойкому убеждению Ольги, должен был образоваться взаимообмен кровяными клетками: здоровые уходили девочке, а больные мать забирала себе. Она совершенно ясно чувствовала, что в этот миг у них общее кровообращение, и нисколько не сомневалась, что из такого сильного поля любви ребенок не сможет вырваться в небытие. Нужно просто не ослаблять это поле, культивировать его в себе.

Ольга неуклонно выполняла взятое на себя обязательство: любить максимально. Муж предлагал подменять ее хотя бы по ночам, но она не позволяла. Пусть, конечно, он тоже любит, и гладит по бледной гладкой головке, и читает бессменную «Алису в стране чудес», но Ольга не должна прерывать целебного контакта с дочерью, даже забываясь коротким сном. И чем труднее ей дается такое целительство, тем вернее оно подействует. Нельзя прекращать! Она ушла с работы и ограничила свои дела только теми, которые могли быть полезны дочке. Когда ей хоть на пару минут приходилось отстыковаться от угасающего родного организма, чтобы

сходить в туалет или впихнуть в себя теперь всегда безвкусную еду, по возвращении к контакту она явно видела произошедшее за это время ухудшение, поэтому всегда с удвоенной силой начинала генерировать свой неиссякаемый посыл к выздоровлению.

За тот период Ольга сильно похудела. Как ее это радовало! Она знала, что все потерянное ее телом здоровье передалось Лиле, что это явный знак правильно выбранной тактики.

Когда девочка стала совсем слаба, переход от дня к ночи уже обозначался только приглушением света. Люша прижимала к себе любимую куклу Алису, которая, конечно, проходила такое же «лечение», как и ее маленькая «мама». И так же, как Ольга каждый день перед сном шептала в тающее ушко своей дочки горячие заклинания обязательно без частицы «не» (где-то прочитала, что мироздание может перепутать и услышать вместо «не болей» только «болея»), так и Лиля шелестела свистящим шепотом на ушко своей Алисе: «Выздоровливай скорее, будь здорова, моя доченька»

Обычно Ольга устраивалась спать на краю Лилиной кровати в максимально неудобной позе, чтобы своей ничтожной болью в теле выкупить у бога для дочери хотя бы краткий перерыв в страданиях.

В тот день она почему-то сказала мужу, что сегодня спать не ляжет совсем. А он не стал ее отговаривать. Сказал, что тоже просто посидит в коридоре. Ольга обрадовалась: по ее расчетам бессонная ночь родителей должна была сформиро-

вать над девочкой непробиваемый защитный купол. Почему именно сегодня? На этот вопрос Ольга не смогла бы тогда ответить.

Непроглядную темень за окном палаты нарушали только редкие снежинки, отражающие свет фонаря. Первый снег! Они с дочкой его очень ждали в этом году – как символ новой, белой полосы жизни. Ольга хотела было поделиться чудесной новостью с Люшей, но решила пока не тревожить ее хрупкий сон.

Сидя у кровати Лили Ольга вдруг смертельно захотела спать и тут же устыдилась этого. Но организм упрямо требовал свое. Она провалилась и почти сразу, вздрогнув, проснулась от ощущения пустоты в своей руке. Лиля вытянулась в струну и смотрела прямо на нее страшными, горящими болью глазами.

– Доченька! – закричала Ольга, не осознавая, почему кричит.

Забыв об обязательном контакте с кожей дочки для передачи здоровой энергии, она схватила ее за бесплотную, почти пустую ткань пижамы.

На крик в палату прибежал муж, но его энергия уже не понадобилась.

Огонь в глазах Лили перешел в тление, и угольки скоро подернулись пеплом смерти. Ольга знала, что в этом виновата только она. Она все-таки ослабила накал своей любви, нарушила обет бессонья, разомкнула контакт.

Ольга не плакала. Слезы были слишком простым, слишком обыденным проявлением горя. Они были недостаточными и даже пошлыми. Плакать можно было над глупыми фильмами о несчастной любви, над книгами, в которых умирает главный герой. А теперь слез не было. Была только черная боль, сквозь которую мир выглядел будто застывшим. Похороны так и запечатлелись в памяти Ольги отдельными кадрами: острый восковой носик среди издевательски ярких цветов, опухшее лицо мужа, всклокоченные деревья с колтунами вороньих гнезд, бесполезные теперь снежинки, замершие над крышкой гроба, летящий в бездну могилы ком глины...

А потом еще грязь под ногтями, и горючий вкус водки, и бесконечный тяжелый сон, от которого она так полностью и не пробудилась уже почти четыре года.

И все это время она мучительно всматривалась в свое горе, без жалости к себе стараясь находить и проживать заново самые тяжелые его мгновения. Особенно ее терзала одна мысль. В течение всей болезни дочери в их семье все делали вид, что, вопреки прогнозам врачей, самого страшного случиться не может. Ольга упорно считала, что, допустив хоть раз подобные мысли, она сама покажет своей девочке путь к выходу. И теперь она кляла себя за то, что в тот роковой день изменила свою тактику борьбы, решив не ложиться. Тогда она не отдавала себе в этом отчет, но теперь ясно видела:

звериным чутьем она узнала приближение смерти, а значит, допустила ее существование и тем самым сама подпустила ее к Люше. Это она и только она виновата в «том, что случилось» (она так никогда и не смогла даже мысленно поставить рядом слова «Люша» и «умерла»).

К мужу она испытывала неосознанное презрение: поначалу он истекал слезами, но время шло вперед, отдаляя его от болевой точки, и скоро по вечерам, лежа в супружеской постели, она уже далеко не каждый день чувствовала спиной немые спазмы его рыданий. А потом он и вовсе начал проявлять оскорбительный мужской интерес к ее пустому телу. Она не противилась этому, только потому что вся ее воля была израсходована. Желаний в ней не было никаких, и мокрые поцелуи, которые он оставлял на ее коже, вызывали в ней только легкую брезгливость.

И вот теперь две полоски!

Ольга не хотела верить, снова и снова разглядывая кроваво-красные отметины на бумажке теста. Может быть, ей кажется? Ну конечно, вторая едва проступила! Да и ложноположительные результаты бывают, она слышала...

Но интуиция безжалостно подсказывала, что тест не врет. В голове начала мерцать и разгораться мысль: «Только не это!»

Возможность рождения второго ребенка Ольга не рассматривала просто потому, что мысленно все еще растила первого. Она подмечала новые фильмы, книжки и игрушки

ки, которые могли бы понравиться ее Люше. Однажды даже купила ее любимую «Алису» в переводе Набокова – книгу «Аня в стране чудес»: Лилюше было бы интересно узнать, как может иначе звучать заученная почти наизусть история. А еще Ольга писала дочке письма, старательно выводя на бумаге печатные буквы, чтобы Люшенька смогла прочитать их сама. Она представляла себе, как будто дочка просто уехала на лечение, и сейчас ей особенно нужна хотя бы такая мамина поддержка. Тетрадок с этими рассыпчатыми текстами набралась уже не одна стопка.

Мужу Ольга решила про тест ничего не рассказывать. И не потому что хотела скрыть, а потому что так и не поверила. Раз она этого так не хочет, значит этого просто не может быть.

Но организм уже начал подбрасывать испытания: он постоянно требовал сна и непривычно пух, особенно лицо и конечности. Она стала замечать, что по утрам обручальное кольцо стягивает на безымянном пальце мучительную талию.

С каждым днем настроение становилось все темнее. Внешний мир без Люши и так воспринимался Ольгой как через толщу воды, когда все звуки доносятся с поверхности далекими и звенящими, а очертания предметов размыты – как когда-то в далеком детстве, когда она чуть не утонула, упав за борт лодки, на которой каталась по озеру с мамой. Теперь же она оказалась в мрачных и холодных глубинах безвыход-

ности. Тихое журчание проходящей стороной жизни почти перестало ее донимать. В мыслях было только «я не хочу!» Не хочу вынашивать это враждебное для Люши существо, не хочу видеть его чужое лицо, осязать живую кожу. Но самое главное – не хочу снова присутствовать при страданиях беспомощного живого создания, которое полностью от тебя зависит. Ольге казалось, что это неизбежная составляющая материнства. С детства у нее был большой запас сочувствия, но во время болезни Лили она его исчерпала настолько, что под конец уже скребла по живому дну души.

Чтобы хоть как-то облегчить свои муки, Ольга все-таки призналась мужу.

– Это же чудо! – ожидаемо отозвался он, как будто Лили никогда и не было.

– Я не смогу! – прорыдала Ольга. – И убить не смогу!

Слезы, к которым она готовилась все это время, сейчас скапливались между век с такой скоростью, что не текли по щекам а почти брызгали, попадая ей на колени, на плечи стиснувшего ее мужа, на пол... Настоянное на молчании концентрированное чувство вины перед маленькой беззащитной дочкой, которую она из-за своего слабоволия не смогла уберечь, выплескивалось ядовитыми, обжигающими глаза потоками. В мозгу шаровой молнией металась какая-то не оформленная в слова мысль. Выхода не было видно, поэтому пришлось просто дать волю апатии.

На УЗИ врач услужливо развернула монитор в их сторону. Муж с тошнотворной улыбкой разглядывал чужеродные птичьи конечности эмбриона, который уже так давно поселился в Олином животе. Ей были неприятны эти маленькие пальцы, гигантская голова, уродливое ухо. Все это было у Лили совсем другим – трогательным, милым, нежным. Ольга полюбила дочку задолго до ее рождения, а при виде этого ребенка в ее безмолвной душе шевелилось только отвращение.

Свое непрощенное бремя она переносила тяжело: ее мучили отеки, изжога, гипертония и лишний вес. Но самой большой мукой было неизбежное приближение родов: появление на свет того (а вернее той!), кто нагло воцарится на месте ее бедной маленькой девочки. Был бы это хотя бы мальчик! К нему свое отношение можно было бы выстраивать в каком-нибудь новом уголке души, а девочка норовила заполнить собой старое пересохшее русло любви к дочери. Ольга такого допустить не могла: эта территория была неприкосновенна.

Плод тем временем развивался нормально. Ольга устало и покорно носила свой огромный живот на плановые осмотры, и чем тяжелее ей было физически, тем легче становилось на душе: значит, ее организм не принимает такого замещения. Она не забыла свою маленькую Люшу, не нарушила своего обещания любить вечно только ее. Где-то на периферии ее замкнутого сознания маячило все то же презрение к мужу,

который почему-то радовался заметному сквозь эластичную стенку живота шевелению прищельца и без усталости хлопотал, обеспечивая максимальный комфорт для Ольги – живого, но совершенно безучастного инкубатора.

Срок уже подходил к неизбежному финалу. Ольга лежала на кровати, повернувшись лицом к окну: на улице в едва подсиненном сумерками воздухе плыли первые голубые снежинки. Исхода не было. Снежинки хаотично перемещались в пространстве. Крупные и пушистые, они пролетали перед глазами, задевали за ресницы, таяли на лбу, мокрым крапом покрывали крышку гроба...

– Оленька, пойдем ужинать, – вкрадчивый голос мужа грубо отдернул перегородку между сном и явью.

Ольга резко села на кровати и почувствовала, как между ног растекается теплая влага.

И все обратилось в хаос. За отхождением вод почти сразу последовали резкие спазмы, которые наплывали один на другой, не давая отдохнуть от боли. Ольга радовалась страданиям: сейчас она исторгнет этот чуждый организм и вернется к созерцанию первого снега.

Муж трясущимися руками набирал телефон скорой и что-то сбивчиво орал в трубку. Потом надевал ей сапоги, и мокрые от вод отекающие босые ноги никак не могли втиснуться в узкий подъем. Потом ее почти волоком тащили под руки в лифт, укладывали на каталку. Боль пронзала рассудок, но Ольга не кричала: Лиле тогда было гораздо больнее. Крыша

машины прыгала перед глазами, в поле зрения то появлялась голова толстощекой врачихи, то мелькали знакомые вздувшиеся вены капельницы. Подбираясь к почти невыносимой точке, боль ненадолго шла в обратную сторону, и тогда Ольга со всей силы зажмуривалась, чтобы ничто из внешнего мира не отвлекало ее от мук.

Потом ее снова перегружали, что-то громко говорили приказным тоном, трясли на стыках плиток больничного пола и снова отдавали какие-то приказы, возможно, даже не ей.

А потом вдруг все стихло – и снаружи, и внутри. Непрерывный спазм отпустил, кровавая пелена перед глазами начала рассеиваться, и она увидела на себе мокрого ребенка. Незнакомая девочка была не похожа на новорожденную Лилю, которая появилась на свет на удивление гладенькой и розовой. Эта была фиолетово-серой и сморщенной. Она копошилась в зеленой пеленке, подрагивая тонкими ручками с длинными полупрозрачными ноготками. Редкие темные волоски на голове слиплись длинными прядями. Молочный ротик с нежным сосочком на верхней губе изогнулся скорбной подковкой, а подбородок трясся мелкой дрожью, когда она издавала вибрирующий от напряжения плач.

Ольга прикоснулась к теплой спинке – и пузырь, отделявший ее от внешнего мира, лопнул. В сознание хлынула музыка жизни: голос мужа, который, оказывается, все время был рядом, и врачей, которые что-то говорили про стремительные роды; вот звякнули о металлический лоток инстру-

менты, зашуршали медицинские халаты, запищали приборы... В ноздри проник прокварцованный воздух родовой, во рту появился металлический привкус крови истерзанных губ, в глаза ударил яркий свет хирургического светильника. Вспомнилось милое лицо Люши – впервые таким, каким оно было до болезни, как на одной из фотографий с их семейного отдыха на море. Она кокетливо улыбалась; длинные светлые волосы от ветра наискосок перечеркнули пухлую щечку с ямочкой.

Узкие глазки новой дочери были опухшими, как будто она плакала все эти девять месяцев. Наверно, чувствовала нелюбовь. И жалость к этой ненужной девочке залила душу, создавая условия для жизни любви. Ольге тоже захотелось плакать, и есть, и жить.